

С РАССКАЗА об этом эпизоде началась наша беседа с **Михаилом Борисовичем БРОХЕСОМ**, человеком, близко знавшим артиста. В 1943 году он выступал с концертами на Дальнем Востоке — здесь его и застала телеграмма.

— Невозможно себе представить, что я испытал в те минуты, — продолжает М. Брохес. — Через несколько дней собиравшись в отпуск к родным, а тут такое дело — Вертинский! Как потом узнал, Александр Николаевич только что вернулся из эмиграции, из Шанхая. И сразу стал подыскивать себе пианиста. Перебрал их с пяток и всеми остался недоволен. И надо же, в этот самый момент в город приезжаю я! Местное начальство за меня сразу же обеими руками ухватилось — предлагать-то Вертинскому больше некого было. Не подумайте только, что я очень обрадовался — страшно было до дрожи в коленках. Вдруг провалился с треском!

На следующий день в назначенный час я был в театре. Шел туда, как двоечник на экзамен. Вертинский встретил меня доброжелательно: «Мужчина, да еще молодой — то, что мне надо!» А я с грустью подумал — всем вы так говорили... Сел за рояль, открыл ноты. Первая песня — «В степи молдавской». До этого я в основном играл классику, а тут какая-то до смешного примитивная партия. Осторожно спрашиваю артиста:

— Александр Николаевич, позвольте я это сыграю как-нибудь поинтереснее?

— Ни в коем случае! — Вертинский аж поблдевел. — Ни одной лишней ноты!

Спел он дюжину песен, и мы пошли покурить. Открываем дверь из зала, а за ней — начальник управления культуры, директор местной филармонии, еще какие-то люди. Стоят, мнутя, переживают.

— Можете заказывать афиши, — бросил им на ходу артист.

Если бы видели, как они обрадовались, как побежали по коридорам!.. А на другой день состоялся концерт. Первый после двадцатипятилетнего разлуки Вертинского с Родиной. Был грандиозный успех. А я с тех пор так и работал с Александром Николаевичем, до самой его смерти.

— Михаил Борисович, насколько мне известно, песни Вертинского во время его эмиграции были в нашей стране под запретом. В то время находилась другая, пролетарская музыка. Возникали различные общества, такие, как «Ассоциация современной музыки», «Производственный коллектив». Они до хрипоты спорили о том, как и что петь строите-

лям нового общества. Предлагали возвеличивать в песнях успехи технического прогресса, героину трудовых будней. Разумеется, Вертинский не вписывался в этот ряд.

— Да что говорить о Вертинском, когда идешь чуждыми считались оперы «Кармен», «Травиата», «Евгений Онегин». До встречи с Александром Николаевичем я много слышал о нем — что он прекрасный пе-

— Вся надежда на вас, — начальник управления культуры города Читы вручил мне телеграмму: «Прошу Александра Николаевича Вертинского дать в Чите два концерта, а затем следовать в Москву». И подпись — председа-

тель, актер. Но никогда не слышал, как он поет, — не было возможности. Конечно, его пластинки попадали в страну: контрабандой, в чемоданах с двойным дном, везли их отчаянные меломаны из-за рубежа. И крутили потом по домам, замкнув все замки да еще для верности накрывшись вместе с патефоном ватным одеялом, — не дай бог, кто-нибудь услышит! Так что, несмотря ни на какие запреты, о Вертинском помнили. Видимо, все-таки не может «пламенный мотор» заменить человеку сердце — он должен любить, страдать, откликаться на чужую боль.

А Вертинский как раз пел об этом.

— И все же непонятно, как певцу, бывшему четверть века в опале, в эмиграции, удалось с таким триумфом вернуться на Родину? Ведь многие не менее именитые его соотечественники, возвратившиеся из-за границы, закончили жизнь совершенно иначе.

— Это действительно объяснить трудно. Но ведь надо было и знать Вертинского — как горячо он любил Россию, как горько страдал без нее на чужбине. Кстати, покинул он Родину не по каким-то идейным соображениям, а если угодно — по юношескому безрассудству. Многие ли, например, знают, что из Румынии Александр Николаевич был выслан за симпатии к... Советской России.

Поселившись в Париже, Вертинский много гастролировал, объездил всю Европу, побывал в Америке. И хотя артист знал много иностранных языков, пел он только на родном — на русском. Во время одной из таких поездок Александр Николаевич встретился в Варшаве с советским послом Войковым. Очень просил его помочь вернуться в Россию. Тот обещал похлопотать, но на этом дело и

мастерами, как Вадим Козин, Изабелла Юрьева, Тамара Церетели, Петр Лещенко... Романсами в их исполнении до сих пор заслушиваются любители музыки. И все-таки Вертинский занял свое, особое место.

— Секрет прост — у Вертинского был «небольшой голос». Проблемы в вокальном искусстве он заполнял высоким мастерством актера. Волшебная игра рук, которой так восхи-

няли два прожектора, чтобы не видеть зала, а занавес за спиной надо обязательно зашторить. Оказывается, он очень стеснялся публики. Премьера прошла с успехом. На следующий день в театре не было ни одного свободного места. Хозяйка заведения стала подкармливать Вертинского, а затем и платить ему. Но настоящая слава к певцу пришла несколько позже. Однажды утром, листая «Московские ведомости», он, к своему удивлению, наткнулся на статью «Александр Вертинский» и внизу подписал — Влас Дорошевич. О молодом певце заговорила вся страна, посыпались заманчивые предложения. Так в один день Вертинский стал знаменитостью. Шел 1916 год.

— Бремя славы нести нелегко. Как отнесся к своему успеху Вертинский? Каким он был в жизни? Вы проработали с ним бок о бок четырнадцать лет, и кому, как не вам, знать об этом.

— В двух словах не скажешь, Александр Николаевич был человеком сложным. Отношения с людьми у него складывались по-разному. Например, он очень любил Козловского, Лемешева, Качалова, но с пренебрежением относился к Петру Лещенко — считал его кабацким певцом. Хотя в тяжелые времена в Шанхае ему тоже приходилось выступать в ресторане, и утешал он себя лишь тем, что собиралась там изысканная публика, а на стол, кроме фруктов и шампанского, ничего больше не подавали.

Вы удивитесь, если я скажу, что Александр Николаевич не знал нот, не умел играть ни на каком инструменте. Зато он был прекрасным мелодистом. И не раз мне приходилось вскакивать среди ночи и бежать к нему, чтобы записать на бумагу только что родившуюся в его душе мелодию. Почти все песни, а их в репертуаре Вертинского было более двухсот, написаны на его стихи. Правда, пел он и Ахматову, и Северянину, и Блоку, и Есенину. Это были его любимые поэты.

Громких званий Вертинский не носил, но популярность его от этого не страдала. Однажды, когда его выдвинули на Государственную премию, его попросили заполнить анкету.

— Вы кто — народный, заслуженный? — спросила девушка, оформлявшая документы.

Вертинский посмотрел на нее удивленно и сказал:

— Ах, душенька, у меня ничего нет, кроме мирового имени.

Александра Николаевича не стало в 1957 году. Скончался он внезапно, во время гастроль в Ленинграде.

Беседу вел **И. БАРАНОВ**

«Я знал ВЕРТИНСКОГО»

Михаил Брохес:

— Ну, а я-то здесь при чем? — никак я не мог взять в толк.

— Будете аккомпанировать Вертинскому...

закончилось. Через несколько лет, уже в Берлине, Вертинский добывается приема у Луначарского. Просьба та же. И вновь, после некоторых проволочек — отказ.

— И все-таки ему удастся вернуться на Родину.

— Да, Но кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы не случай. Где-то в году 35-м Вертинский отправился на гастроли в Японию и Китай. Когда он выступал с концертами в Шанхае, началась японская интервенция, и певец оказался прикованным к этому городу на долгих восемь лет. Там-то его однажды и встретил советский посол. На вопрос: «Почему вы здесь?» — Вертинский грустно улыбнулся и ответил: «Кланялся два раза, да вот только шишки набил».

— А сколько раз вы можете поклониться родной матери?

— Сколько угодно.

— Так вот, Александр Николаевич, кланяйтесь еще...

И, представляете, через несколько месяцев Вертинский получил разрешение на въезд в Советский Союз. И свой первый концерт в Москве, в Центральном Доме актера, певец начал словами Тургенева — что Россия может обойтись без каждого из нас, но никто из нас не может обойтись без нее.

— Чем, на ваш взгляд, можно объяснить феномен Вертинского? Ведь пел он в одно время с такими замечательными

мимика, проникновенные интонации, тонкое знание человеческой души делали его песни непохожими на другие. На глазах восхищенной публики рождался новый песенный жанр — песни-раздумья, песни-монологи. Да и вообще Вертинский не пел в привычном смысле слова — он как бы наговаривал текст под музыку, размышлял под нее. Кстати, истоки современной бардовской музыки надо искать как раз в творчестве Вертинского. Наверно, потому его песни близки нам и сегодня.

— Не могли бы вы рассказать, как певец пришел на эстраду. Уверен, мало кто знает эти страницы из его Биографии.

— Как и многое в жизни Вертинского, все предопределил случай. От рождения он страдал дефектом речи — плохо выговаривал букву «р». А мальчику очень хотелось играть на сцене. Но из-за картавости в театр он так и не был принят...

И вот однажды в Москве, отчаянно бедствуя, Вертинский зашел в небольшой театр «Нинина и Петипа» и предложил там спеть две песенки на только что сочиненные им стихи. Хозяйка послушала его и пригласила выступить в вечерней программе. К ее удивлению, молодой человек поставил неприменные условия — петь он будет только в костюме Пьеро, на него должны быть наведе-